

ЛАНА ЛАНИТОВА

ГЛАША 2

Русский эрос

Глаша и Владимир

Лана ЛАНИТОВА

Глаша 2

«Автор»

2019

Ланитова Л.

Глаша 2 / Л. Ланитова — «Автор», 2019 — (Глаша и Владимир)

«Глаша 2» – это пятый роман из эротической серии о Глаше и Владимире. Начало серии можно прочитать в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев», «Блуждание во снах» и «Михайловская дева». В этом романе автор вновь возвращается к земному пути главной героини Глаши. Непросто сложилась ее судьба, после того, как она бежала от нелюбимого супруга. Жизнь на свободе преподносит ей множество серьезных испытаний. Похоть, коварство и опасные встречи сопровождают нашу нежную героиню на пути к собственному счастью. Но душа Глафиры, как и прежде, полна ЛЮБВИ. Книга изобилует откровенными эротическими и БДСМ сценами, содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лана Ланитова

Глаша 2

*Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой —
Стальное слово «Петербург»?*

Н. Агнивцев

Предисловие

Дорогие мои читатели, перед вами открыта пятая книга из серии «Глаша и Владимир». Предыстория ее изложена в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев», «Блуждание во снах» и «Михайловская дева».

В трех последних романах автор серии так увлеклась рассказами о приключениях нашего незабвенного аристократа, дворянина, красавчика, донжуана и, как оказалось, любимчика самого демона, Владимира Ивановича Махнева, что напрочь позабыла о трогательном образе той молодой женщины, без которой и не было бы всей этой истории. Да, мои дорогие читатели, мы с вами оставили без внимания нашу красавицу, умеющую любить искренно и безответно, нашу дорогую Глашеньку.

Вперед, мои дорогие! Мы снова приведем вас в будни той, что осталась жить в мире яви, в середине девятнадцатого столетия. Куда шел путь любящей и так жестоко отвергнутой героини, и как сложилась ее судьба, вы узнаете, прочитав эту книгу.

Серия написана в жанре легкого фэнтези, мистики, приключений. Но главным действующим лицом здесь все также остается вездесущий Эрот. И если вы любите этот «легкий и одновременно сложный жанр», тогда милости просим. На этих страницах нет места ханжеству. А от себя мы пожелаем вам приятного чтения!

Глава 1

Санкт-Петербург, Тентелевское (Холерное кладбище) 1862 г. 20 июля.

Душная пустота глубокого обморока отступила назад, в уши назойливо лез монотонный гул. И еще этот запах... Самый тревожный и отвратительный запах. Так пахнут осенние хризантемы на кладбище. И этот тяжелый аромат сливался с ароматом свечного воска, ладана, печеных блинов и сладковатым запахом смерти. Она тряхнула головой, воспаленные веки дрогнули, в глаза ударил свет живого огня. Огонь уменьшился в размерах и застыл рваным цветком в дальнем углу. Это был факел. Глафира перевела взгляд – слева, в чернильной тьме, горел еще один. Пламя трещало и коптило, оставляя жирные разводы на каменной кладке. Когда глаза привыкли к полумраку, она увидела внизу черные волны. Она присмотрелась: у волн появились лица. Это были головы людей, облаченных в монашеские рясы. Их было много. Они стояли внизу и монотонно пели. Хотя, это сложно было назвать пением. Все эти люди гудели на одной низкой ноте, а после останавливались и повторяли одновременно тарабарщину на незнакомом Глаше языке. Она звучала словно дикое заклинание или клекот беснующегося воронья.

«Верно, я сошла с ума? Где Мари? Где я сама?»

Глаша попробовала пошевелить рукой, но это у нее не вышло – толстая веревка с болью вжалась в запястье. То же самое было и с ногами – они были чуть разведены в стороны и плотно зафиксированы. Тело напряглось. Обнаженная спина упиралась во что-то холодное. Судя по всему, это был камень. И стоял этот камень почти вертикально, на возвышении. Казалось, что она парила на небольшой высоте от пола. Движение внизу стало заметнее. От темной толпы отделился человек. Он подошел ближе. Она узнала его. Месье Durand¹! Мари велела ехать с ним. «Что было дальше? – Глафира силилась вспомнить. – Отчего он? Кто он? И почему я здесь? И где я? И разве это я?»

Боль от веревки вновь соединила ее с телом. Мысли стали четче.

«Мы ехали в экипаже. Он сказал... Он сказал, что ему надо в часовню, передать письмо из Парижа. Потом тропинка, и маленькая женщина со страшным лицом. Карла?! Она ударила меня? Нет. Не она. А кто? Спина! – меж лопаток заныло. – Господи, мы же на кладбище! Вот откуда этот запах».

Граф Peter Durand подошел ближе. Его высокая фигура была облачена в длинную черную сутану. Темные волосы зачесаны назад. На груди покоился таинственный золотой амулет в виде змеи, раскрытых крыльев ворона, знаков древней кабалы и глазом, поблескивающим зрачком изумруда. Рука его держала тяжелую трость. Глаша помнила ее. Трость с набалдашником в виде человеческой головы. Он подошел к серебристому амвону и зажег свечу. Свеча озарила какие-то ритуальные жезлы, белый человеческий череп, застывший в немой улыбке, о боже... и несколько острых кинжалов.

Глафира увидела в его руках большую толстую книгу в старинном кожаном переплете, с золотой застежкой. Пальцы мужчины с легкостью расстегнули застежку, мелькнул веер потемневших страниц. Черные глаза вперились в таинственные символы. А после он стал читать какой-то старинный текст. Грозный голос эхом улетал в высокий купол. Глаша подняла глаза.

«Бог мой, да это же та часовня, куда он меня вел! Но отчего в ней так темно и страшно? Кто эти люди? Какая-то секта? Сатанисты? Чернокнижники? Господи, помоги мне!»

От громких слов магического заклятия шевелились волосы на голове, и гулко бухало сердце. На каждый возглас мага, толпа отвечала заунывным хором. Пламя факелов и свечей на подсвечниках трепетало, словно от ветра. На время Peter Durand умолк и приблизился к

¹ Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Как и случаен выбор географических мест и исторических памятников архитектуры.

месту, где лежала Глаша. Он высоко приподнял тяжелую трость и ткнул ею Глафиру в голый живот, будто указуя на нее толпе.

– Рылова Глафира Сергеевна, я объявляю тебе, что еще за год до сегодняшнего числа, мне, графу Durand, пришло извещение от верховного авгура нашего ордена некромантов, в котором есть запись, что «в лето 1862 года от Рождества Христова, должна в роли жертвы в граде Петра явиться та, кто слывет Вавилонской блудницей, а по сути своей является ангелом во плоти. И ангел сей должен пасть крылами на жертвенном алтаре в честь маркиза Де Бирса². И только эту жертву приемлет наш верховный маг». Ты слышишь меня, блудница?

Глаша молчала, цепenea от страха.

– Я нарекаю тебя, блудница, жертвой, чей кровью обагрится жертвенный алтарь, и чья кровь падет на гроб нашего знаменитого предка. Прах маркиза жаждет твоей крови, как сухое дерево жаждет благодатного дождя. И как только ты, блудница, испустишь дух, мы оросим твоей кровью гроб маркиза, и он оживет. Да, будет так!

– Да будет так! – взревела толпа.

– Ты будешь лицеизреть все действие от начала и до конца, до того конца, когда твоя душа вспорхнет крылами от алтаря. Пока твоя кровь будет течь по каплям, уносясь по желобам в жертвенный сосуд, каждый из нашей паствы, начиная с меня, войдет фаллосом в твоё порочное чрево и семенем своим поставит печать заклания на твой свободный дух. И даже после смерти душа твоя останется здесь, в этом склепе. Душа твоя отныне и во веки веков станет служить нашему хозяину, господину Де Бирсу.

– Не-ее-еет! – неожиданно крикнула Глаша.

– Да! – зловеще расхохотался некромант. – Ты слышишь гул? Близится полночь, и мертвецы лезут из своих могил. Все они придут на пиршество, чтобы доесть твою бездыханную плоть. Они уже год ждут этого, и жажда их велика. Ты слышишь гул? То дрожит земля, ибо погребенные во прахе, уже ожили и жаждут вкусить твоей плоти и выпить вина. Ха-ха-ха! Плоть и вино! Ты, верно, знаешь, о чем я? Только мы вкусим плоть блудницы. Да, будет так!

– Да, будет так! – взревела толпа некромантов.

Граф подлетел к Глаше, в его руках блеснуло лезвие ножа. Саднящей болью полоснуло запястье, Глаша вскрикнула. Граф, подобно хищной птице, стоял рядом и слизывал сизым языком капли крови с острого ножа. Впалый рот его походил на бездонную яму. Сначала Глаша почувствовала тепло, шедшее от запястья, ладошка увлажнилась чем-то липким. В полной тишине раздался звук падающих капель. Мерный и тихий. Но именно этот звук болью врезался в сердце.

«Он порезал мне вену, и будет собирать кровь, – разум туманился. – Я редко думала о смерти. Но никогда не знала, что она может быть такой страшной. Господи, умоляю, помоги мне, помоги мне умереть быстро».

– Раздвиньте ей ноги, я иду, исполнить волю жрецов.

Глафира почувствовала, как щиколотки ног освободили от невидимых пут. Двое некромантов согнули ноги в коленях и развели их в стороны. Перед глазами мелькнуло широкоплечее и костистое, обнаженное тело графа. Он взошел на алтарь и приблизился к ней. В этот миг

² Де Бирс – по преданию один из основоположников Санкт-Петербургской школы некромантов. Сведения о жизни маркиза де Бирса скудны и противоречивы. До сих пор остаются неизвестными год, место рождения и род его занятий до прибытия в Россию. Ряд зарубежных исследователей считает, что он родился в конце XVII века в Йоркшире, долгое время находился на королевской службе, из-за увлечения оккультизмом подвергся преследованию, был вынужден сменить имя и бежать в Россию. По другой версии, маркиз появился на свет во Франции. В Москве он близко сошелся с известным чернокнижником Яковом Брюсом, который перед кончиной передал ему все свои тайные знания. Дата смерти также остается загадкой. Известно, что де Бирс обладал колоссальными познаниями в области алхимии, астрологии, оккультизма. Знание темных, запретных учений Европы, древних колдовских обрядов и культов Шумера, Египта и Магриба позволили ему проникнуть за ту незримую черту, которая отделяет наш мир от мира Тьмы.

она услышала грохот, гул и страшные крики. Деревянные двери часовни затряслись от града ударов.

«А вот и маркиз Де Бирс с мертвецами», – подумала Глаша и потеряла сознание.

* * *

Нижегородская губерния. Весна 1859 г.

Завечерело, начал накрапывать дождь. Бричка то и дело подсакивала на ухабах, возница нервно дергал лошадей.

– Вот Таня, говорила я тебе, что надо было ехать в дормезе. А ты уперлась. Сколько нам часов еще трястись до постоянного двора? Да и есть ли этот двор?

– Чай, недолго уже. К ночи, даст бог, доберемся. Дормез? Придумала тоже. Не по чину нам, сиротам, в дормезах всяких ездить. Дорого. Теперь-то каждую копеечку надо беречь.

– Ну, чего уж, дорого-то? Деньги-то есть. Он же дал... – с горькой усмешкой говорила Глаша, глядя невидящим взором на черные поля. Весенние сумерки и пустынная дорога без единого огонька, и эти бесконечные голые, не прогретые солнцем пашни, наводили на Глашу смертельную тоску. Куда они едут? Зачем? Верно, на собственную погибель.

И только теплая ладонь Танюши выводила Глафиру из тоскливого оцепенения.

Стоял конец апреля. Весенняя распутица была позади, и это обстоятельство не раз благословляла бесхитростная Татьяна, которая, видя расстроенное и заплаканное лицо своей несчастной барыньки после ее встречи с Махневым, решила взять инициативу по отъезду в свои руки. Из дома Ефрема Евграфовича подружки сбежали утром. Еще с вечера они тайно собрали немногочисленные пожитки, и когда супруг Глафиры Сергеевны ушел на службу, они навсегда покинули сей неласковый и, к счастью, недолгий свой приют.

Татьяна довольно быстро отыскала возницу, готового за небольшую плату довезти их до первого постоянного двора в сторону Нижнего Новгорода. Подруги еще не решили, останутся ли они в Нижнем, или их путь будет лежать до самого Санкт-Петербурга. О столице мечтала Глафира Сергеевна. Но Татьяна, не бывавшая дальше Нижнего, страшно боялась больших городов. Она хоть и подбадривала Глашу, но делала это скорее от безысходности. В глубине души она жутко сторонилась всего нового и неизвестного. Она не могла и представить, чем они могут заниматься в большом городе и как станут зарабатывать там на пропитание. У бедной рыжеволосой крестьянки на душе скребли кошки, но видя перед собой печальное лицо своей любимой Глашеньки, замечая на ее глазах слезы, она злилась сама на себя, а заодно и на Глафиру.

– Ну, чего ты снова разрюмилась? – ворчала Татьяна на Глашу. – Укрой ноги теплее. Видишь, хоть и весна, а ветер-то холодный. Не простудиться бы. Сейчас приедем на постоянный двор, чаю попьем, поужинаем.

Кошелек с деньгами, который дал Глафире Махнев, Татьяна спрятала у себя на тощей груди, перевязав его крест-накрест платком. Она все время трогала, проверяла, на месте ли он. Сейчас эти деньги были их главным спасением.

Первые два дня пути подружки все время оборачивались, нет ли за ними погони. Но Владимир Иванович исполнил свое обещание. В этот же день, когда Глафира Сергеевна и Таня сбежали от мужа, он навестил дом коллежского регистратора Рылова.

* * *

К слову сказать, Ефрем Евграфович действительно хотел уже идти в участок, чтобы сообщить о пропаже собственной жены. Владимир Махнев перехватил его почти по дороге и выразил желание объясниться. Они вернулись в дом. Махнев брезгливо поморщился, оглядев жал-

кое и безвкусное убранство дома Глашиного супруга, и даже отказался присесть. Не снял он и кожаных перчаток.

– Ну-с, и что вы мне хотели сказать? – нервным голосом проговорил Ефрем Евграфович. – Где моя жена?

– Не ждите ее, она сбежала от вас.

Рылов чуть не поперхнулся.

Нет, Владимир не собирался быть многословным с этим неприятным господином. Он просто дал Глашиному супругу денег и в нескольких фразах, холодным тоном, сообщил о том, чтобы тот как можно скорее позабыл Глафиру Сергеевну, ровно до тех пор, если же сама, теперь уже бывшая супруга, не пожелает его увидеть на предмет расторжения их брака. Ефрем Евграфович хотел было возразить и разразиться в возмутительной тираде, но когда увидел веер кредиток на столе, то отчего-то довольно быстро передумал и лишь сухо кивнул в ответ.

– Любезный, я понимаю, что, может быть, сей поступок моей кузины вам кажется слишком уж вызывающим и непристойным. Возможно. Но я буду с вами предельно откровенным – еще более непристойной и вызывающей я считаю вашу женитьбу на этой женщине. Я малодушно разрешил моей сумасбродной матушке и вам, милостивый государь, так быстро и ловко обстричь это гнусное дельце. Меж тем, как в ваши руки незаслуженно попал настолько чистый бриллиант, молодая женщина такой потрясающей красоты – душевной и физической, которую вы явно не достойны.

– Но, я попросил бы вас...

– Никаких «но», господин Рылов. Только я вправе решать, с кем будет жить моя ненаглядная кузина. Я сам не достоин ее, так пусть жребий судьбы принесет ей иную участь. Но жить в вашем затхлом склепе она не будет уже никогда. Прощайте!

Владимир покинул дом Рылова и сел в свою коляску. Возница вопросительно посмотрел на барина.

– Куда прикажете, Владимир Иванович? В поместье?

– Нет, голубчик, вези меня в трактир.

Наливая третью рюмку крепкого рома, Владимир уже вслух сказал самому себе:

– Вот я дурак! Зачем отпустил? Куда она теперь? Она же пропадет...

Спустя еще какое-то время он тихо прошептал:

– Если ТАМ есть Божий суд, то именно за эту чистую душу с меня спросят более всего.

* * *

Если вы, мои дорогие читатели, прочитав первую часть романа, подумали, что Владимир Иванович Махнев остался совсем равнодушным к отъезду собственной кузины, то вы ошибаетесь. Под грудью нашего красавца билось хоть и холодное, но все-таки человеческое сердце.

Придя под утро из трактира, он проспал в своей знаменитой бане почти до обеда следующего дня. Когда проснулся, сильно болела голова. Глаша снилась ему всю ночь. Во сне она была нагая и бежала по дороге, пытаясь спрятаться, защититься от невидимых преследователей. Ее волосы растрепались на ветру. Она была напугана, огромные глаза смотрели с мольбой.

– Глаша, стой! Остановись же, глупая. Вернись, – хрипел он.

Прогнав навязчивый сон, он долго приходил в себя, пил квас и огуречный рассол. К вечеру его навестил Игнат. Он явно хотел услышать новости о Глафире Сергеевне.

– Не спрашивай ничего, Игнатушка... Не увидим мы более нашей Глафиры Сергеевны.

– Что так? – Игнат плохо скрывал волнение.

– Да, так. Барин твой не в своем уме, видно, раз разрешил ей ехать на все четыре стороны.

– Да, как же так? Пропадет ведь барышня. Она же сирота.

– Не триви душу. Сам себе места не нахожу. Не сыщиков же за ней по дорогам посылать. Веришь, словно наваждение нашло. Прогнал я ее. А она все плакала, руки ко мне тянула. А я, дурак, деньгами откупился. И Елистратишке ее денег дал, чтобы он молчал и не разыскивал ее.

– Ты был у него?

– Да, вчера. Имел неудовольствие. Дом сырой, темный, словно склеп. Как представлю, что она там жила несколько месяцев, так казнить себя начинаю. А еще более за то казню, что отпустил ее. Надо было снять ей квартиру, что ли... Пропадет же с этой своей рыжей дурехой.

– Да уж, невеселые вести...

– Вот, что у меня за характер такой гадкий?! А? Чем больше мне о любви и чувствах баба талдычит, чем больше навязывается, тем более я мечтаю прогнать ее с глаз долой. А эта сначала только плакала, в любви объяснялась, а как оделась, лицо гордое. Стоит и в мою сторону уже не глядит. А как край ее юбки мелькнул предо мной прощально за порогом, вот за этим, – Махнев ударил кулаком по косяку. – Так я тут же, вроде, как опомнился. Закричать вослед хотел, вернуть. Но сдержал себя. Зубы сжал. Не позвал. Она и уехала. Видно, уже не свидимся.

Игнат молчал, хмуро глядя в окно.

– Ну, еще ты меня своим молчанием казнить, что ли станешь?

– Не стану. На все здесь твоя воля...

– Ну и женился бы сам тогда на ней.

– Я бы женился, только ты бы разве дал?

– Правильно мыслишь. Не дал бы, – осклабился Владимир.

– Вот то-то же. Сам не гам...

– Не продолжай. Захотел жениться? Я женю тебя вмиг.

– Ничего я не хочу. Поехали, твоё благородие, нас купец Белоглазов ждет.

– Не поеду сегодня никуда. Не до дел мне нынче. Принеси лучше водки из погреба и пожрать. Да, и девок к вечеру приведи пару. Или трех.

Всю неделю Махнев пил и кутил в своей бане, пытаясь унять неожиданную тоску по своей кухне.

Но, ничто не вечно в этом мире – унялись, притупились, внезапно вспыхнувшие чувства к Глафире Сергеевне, посетившие сердце нашего ветреного героя. А когда, совсем не к месту, возникал её образ в услужливой памяти Махнева, он тут же гнал его, словно старый сторож навязчивую, бездомную собачонку с барского двора.

* * *

К ночи третьего дня беглянки остановились на постоялом дворе, последнем на пути к Нижнему Новгороду. Они оплатили отдельную комнату, куда хозяйка принесла им горячего чаю, теплой воды в кувшинах и нехитрой еды – пирога с капустой и простоквашу.

– Поешь еще, – уговаривала Татьяна Глашу.

– Я не хочу, Танечка...

– Не будешь есть, как следует, быстро захвораешь. Нам надо быть сильными. Чего ты горюешь? От супостата твоего сбежали. И то – радость.

– Да...

– Я же знаю, что ты по Володечке, демону, тоскуешь.

Глаша в ответ молчала, низко опустив русую голову, по щекам предательски катились слезы.

– Таня, неужто, это навсегда? – всхлипывая, спрашивала Глаша, глядя на подругу заплаканными глазами.

– Что?

– Что мы уехали из Махнево?

– А что мы там забыли-то?

– И ты не будешь тосковать?

– А кому я там нужна? Мои родичи не опечалились, когда барыня меня с тобой отпустила. А вольной даже обрадовались. Отец так и сказал: «замуж, тебе, дылда, все одно здесь не выйти. А кормить тебя я более не стану. Кормись возле господ своих». На этом и расстались. Так что, Глашенька, по мне там никто горевать не станет: была Танька, да вся вышла. Хорошо еще, что барыня слово свое сдержала и дала мне вольную. Честно сказать, уж и не ждала я милости такой от Махневых. Теперь хоть бумаги у меня все исправны, не то на первой же заставе замуровали бы Таньку твою в кутузку и били бы батогами. Ехала бы ты сейчас одна по России-матушке.

Глаша протяжно вздохнула.

В дверь их маленькой комнатки, на втором этаже постоялого дома, кто-то постучался. Глаша и Таня испуганно переглянулись.

– Может, это хозяйка? – тихо проговорила Таня, с тревогой глядя на Глашу.

Стук усилился.

Таня подошла к двери и строго спросила:

– Кто там?

– Дамы, откройте, пожалуйста, – раздался приятный женский голосок.

Таня открыла дверь, не изменив хмурого и недоброжелательного выражения лица. На пороге стояла молодая, дорого и модно одетая женщина. На ней было темно синее платье, отороченное рюшами и кружевом. Молодое лицо казалось миловидным, почти хорошеньким. Таких барышень можно было увидеть только в столице, в богатых кварталах.

– Прошу прощения, дамы, – проворковала незнакомка, улыбаясь широкой, приветливой улыбкой. – Я совершенно случайно услышала, что вы путешествуете вдвоем. Мне, конечно, крайне неловко вас беспокоить. Но видите ли, какой казус. Я зацепилась подолом за гвоздь на лестнице, будь он неладен, и распоролла свое дорожное платье.

Женщина грациозно шагнула на порог и, изогнувшись в тонкой талии, показала порванный подол.

– Дамы, не найдется ли у вас с собой иголки и моточка синих ниток? Представьте, я забыла дома свою шкатулку с наперстками и нитками.

Глаша вытерла слезы, уставившись на говорящую, и на время даже позабыла о своих печалях. От гостьи исходило какое-то необъяснимое свечение. Казалось, что вместе с ее приходом, в комнату ворвался аромат праздника и ничем необъяснимого покоя. А может, это был заморский аромат ее тонких духов.

Так или иначе, на лицах наших старых знакомых – Глаши и Тани – расцвели внезапные улыбки. Куда-то улетучились, словно испарились, все тяжелые мысли последних дней. Глафира перестала шмыгать носом, а только украдкой высморкалась в платочек и смотрела на гостью, приоткрыв от удивления свой прекрасный рот.

– Танечка, у тебя, кажется, были синие нитки? – спросила Глаша у подруги.

– Были, а как же! Я запасливая, – рассмеялась Татьяна и полезла в одну из своих котомок.

– Вы разрешите, я присяду? – приятным голосом осведомилась гостья.

– Конечно! – хозяйки засуетились, освобождая незнакомке свободный стул.

Красавица приподняла юбки и грациозно присела.

– Мерси, мамзели! Давайте познакомимся, если вы не против?

Глаша и Татьяна кивнули, продолжая таращиться на даму.

– Меня зовут Глафирой, а мою подругу Татьяной, – ответила за двоих Глаша.

– Ой, как приятно! – широкая улыбка открыла ровные, ослепительной белизны зубы прелестницы. – А меня зовут... – женщина склонила на бок изящную головку, будто на минуту

задумавшись. Потом хитро посмотрела на обеих девушек. Подмигнула им весело. – А зовите меня Викторией.

– Какое редкое имя для здешних мест. Вы случайно не англичанка?

– Я? – гостья хохотнула. – Пожалуй, что и англичанка. Во мне намешано столько кровей. Глаша и Таня недоуменно переглянулись.

– Ой, месдамочки, не смотрите на меня так. Я девушка веселая и часто шучу. На самом деле, меня моя матушка так назвала после чтения одного английского романа, – и вновь комнату наполнил серебристый смех. – Роман был дрянной, а вот имя мне нравится.

Теперь Глаша смогла лучше рассмотреть гостью. Её роскошные русые волосы, с рыжиной, были уложены в красивую причёску. Девушка была довольно высока – выше Глафиры и Тани. Стройная фигура приковывала взоры. Самым красивым в её облике был пышный бюст, поднятый кверху тугим корсетом. Кисти тонких рук увивали золотые браслеты, на длинных пальцах переливались дорогие перстни. От макушки до носок изящных ботишков эта молодая дама смотрелась настолько роскошно, что Глаша и Татьяна не могли отвести от нее любопытных глаз.

– Вот они, синие нитки! – тощая Танина ладошка выудила моточек шелковых ниток.

Таня проворно приложила их к подолу гостьи. Они были почти одного тона.

– Из меня, по правде говоря, портниха-то не очень, – гостья беспомощно и очаровательно улыбнулась. – Я, видите ли, нынче путешествую одна, без прислуги. Навещала больную подругу и вот возвращаюсь домой. По дороге, правда, ненадолго остановлюсь в Москве, а потом сразу в столицу.

– Вы из Петербурга? – с придыханием спросила Глафира.

– Да, дорогая Глашенька, вот уже несколько лет, как я живу в столице.

– Простите, Виктория, а вы какого роду, звания будете? Замужем, наверное? – спросила Глафира Сергеевна и тут же смутилась.

– Формально я замужем, – весело рассмеялась гостья. – Но живу свободно, без надзора и опеки супруга. И от супружеских обязанностей сама себя освободила.

– Как так? – удивленно встряла Татьяна.

– А если мне и без мужа живется вольно и весело? И средств у меня хватает.

– Да... уж. Вы, барышня, платье-то снимите, я вам за разговором его заштопаю, – предложила бесхитростная Татьяна.

– Ой, правда? Вы умеете?

– Уж чего-чего, а шью-то я лет с пяти, – похвалилась Таня, – за всю жизнь столько белья уштопала, что этим бельем можно дорогу уложить до самого Нижнего.

– Как это замечательно! Мне, право, неловко...

– Снимайте, снимайте. Я аккуратно сделаю – даже шва не увидите.

Рыжеволосую Викторию не пришлось долго уламывать. Она проворно расстегнула крючки и в один миг скинула с себя шуршащее, пахнущее духами платье. А сама осталась в белоснежном кружевном белье и корсете. Виктория присела на стул и вытянула вперед стройные ножки в кремовых чулках. Взгляд красотицы опустился на собственные ноги и задержался чуть дольше положенного. Казалось, что девушка любит собственные ноги или видит их впервые. Налюбовавшись, она изящно закинула одну ногу на другую и с улыбкой посмотрела на Глашу и Татьяну.

– Месдамочки, а, правда же, это совершенно удивительно, чувствовать себя... женщиной?

Глаша недоуменно посмотрела на Викторию. А Таня даже не поняла и сути вопроса, продолжая тарачиться на дорогое кружевное белье гостьи.

– Нет, это я к тому, что нам, женщинам, стоит лишний раз поблагодарить мать-природу за такие щедрые дары, – она снова хитро подмигнула нашим подругам и, прогнувшись в талии,

выпятила вперед свою роскошную грудь. Ладони с растопыренными пальцами сжали сбоку оба холма, глаза закрылись в легкой истоме. Виктория высунула розовый язычок, наклонила голову и, приподняв собственный бюст, лизнула белоснежную кожу и причмокнула.

Глаша с Таней переглянулись.

– Да, это удивительно, – снова проговорила Виктория. – О, не смотрите на меня так. Я просто ужасная пересмешница. На чем мы с вами остановились?

Глаша пожала плечами, ее взгляд стал чуть строже. Таня, тем временем, внимательно рассматривала рваную дыру на синем подоле роскошного платья незваной гостьи и соображала, как ловчее приступить к штопке.

– И как же? Неужто ваш супруг согласен с таким положением? Или он болен? – спросила Глаша и отчего-то засмушалась.

– Ну, что вы, – Виктория снова рассмеялась, запрокинув красивую голову. – Нет, мой муженек как раз полон сил и здоровья. Лысый, толстый и розовощекий. И аппетит у него отменный.

– А как же тогда? – вырвалось у Татьяны. Она даже перестала вдевать нитку в иголку.

– Как? А так – я просто от него сбежала.

– Сбежали? – хором спросили обе.

Глаша внезапно покраснела, словно маков цвет.

– Ну да, именно – сбежала. Месдамочки, ну как можно жить со скучнейшим человеком, да притом скупым?

Глаша поперхнулась и закашлялась.

– Да, и к тому же, он оказался совсем не состоятельным по мужской части, – доверительно шепнула гостья. – Вы понимаете, о чем я?

Таня закивала в ответ, глупо улыбаясь, а Глаша сделала вид, что не расслышала вопроса. Но настырная гостья, не вняв замешательству подруг, продолжила без всяческих обиняков:

– Понимаете, я женщина страстная, а с ним... я совсем не получала никакого удовольствия.

Таня опустила глаза и едва заметно перекрестилась, прошептав себе под нос:

– Ой, грех-то какой...

– Ну, что вы, тут нет греха, – оживилась Виктория и посмотрела на смущенных девушек ясным взором прекрасных глаз. – Господь создал нас по образу и подобию своему, и он совсем не презирает желания нашей плоти. Отнюдь. Думать иначе – великое ханжество. Мы, дамы, имеем право на собственное счастье.

– А зачем же вы за него замуж пошли?

– А я не хотела. Меня семья выдала замуж. У нас были большие долги. О, эти вечные – *des vilaines affaires d'argent*³. Таким образом, я оказалась в объятиях препротивного господина. И с самых первых минут я не могла думать ни о чем ином, как о побеге.

Глаша и Таня не сводили с незнакомки глаз.

– Я едва выдержала несколько месяцев. И когда моя семья расплатилась с долгами, я живенько покинула дом моего болвана-супруга.

Глаша только слотнула, услышав признание гостьи.

– Да, – легкомысленно продолжила та. – Я взяла у него из секретера приличную сумму и отправилась в столицу. – Там на эти деньги я сняла роскошную квартиру и перво-наперво завела себе хорошего любовника, – не стесняясь, поясняла красotka. – Его звали Пьером. Он был офицером. О, какие славные ночи мы проводили вдвоем. Только с ним я познала истинное наслаждение. А потом были Борис и Леонид.

– Сразу два?

³ Гадкие денежные дела (франц.)

– О, и так бывало, – без тени смущения, ответствовала Виктория. – Дамы, я вам скажу, что играть в любовные игры лучше всего с двумя жеребцами.

– А может, мы попьем чаю? – нервно предложила Глафира.

– Можно и чаю, – с нежной улыбкой отвечала ей гостья. – Простите меня, я, верно, постоличному слишком откровенна с вами. Не осуждайте. По-правде говоря, я либертинка и сторонница свободных отношений. Но, если вам неприятно, я закрою эту тему и опущу подробности. Скажу лишь одно – полгода я была совершенно счастлива. Но, все рано или поздно заканчивается. Вместе с опустевшим кошельком закончилась и моя беззаботная жизнь. Я уже стала присматриваться к мастерским, где работали швеи. А когда хозяйка квартиры выставила меня на улицу, мне пришлось ночевать в подворотне. Три дня я почти ничего не ела.

– О, господи! – вырвалось у Тани.

Гостья ненароком приоткрыла завесу самых ужасных страхов, которые роились в пугливой душе Татьяны.

– И как же?

– Ох, месдамочки, сколько же слез я пролила именно тогда. А еще наступала осень, а с нею лютые холода. Однажды я вышла на улицу, где стояли продажные женщины.

– Подождите, – прервала Викторию Глаша. – Но, у вас же есть семья. Отчего вы не поехали к родителям?

– А на что? У меня не было денег не только на извозчика, но даже на еду. Из меня не вышло рачительной экономки. Увы, я промотала все деньги своего муженька. Они таяли просто на глазах. И потом я не могла в то время ехать к родителям. Меня разыскивал разгневанный супруг. Даже родители не знали, куда я сбежала.

– Вот горе-то какое, – прошептала Таня.

– Итак, это был Александровский парк⁴. Еще раньше я слышала, что туда ходят женщины, торговать своим телом. Я была очень голодна, и мне пришлось встать рядом с ними. Они не обрадовались новой конкурентке. На мне все еще было роскошное платье. А чемодан с вещами я держала у хозяйки. Так вот – меня чуть не поколотили две женщины. Они все время кричали: «Где твой бланк⁵? Покажи или убирайся отсюда».

Не знаю, чем бы все это могло закончиться, если бы не счастливый случай. Мимо рядов продажных женщин проехал дорогой экипаж. Он остановился, из него вышла роскошная дама с белокурыми, вьющимися волосами и оглядела толпу. Зоркие глаза отчего-то довольно быстро скользнули по лицам тех, кто стоял тут ранее, и сразу уставились на меня.

– Ты новенькая? – спросила меня белокурая госпожа.

– Да, – тихо отвечала я. Меня всю трясло от холода и голода. Я еле стояла на ногах.

– Давно ты тут работаешь?

– Нет, госпожа. Я только что подошла.

– Тебе нужны деньги?

– Да, мадам. Я не ела почти три дня.

– Пойдем со мной. Я дам тебе работу.

– И вы пошли? – с придыханием спросила Глафира.

– Да, пошла. И ни разу не пожалела об этом. Мою спасительницу звали Мари.

Глаша вздрогнула, лицо сделалось задумчивым. Она силилась что-то вспомнить.

– И что эта Мари? – хмуро спросила Татьяна. – Оказалась хорошей женщиной?

⁴ Александровский парк в Санкт-Петербурге 19 века пользовался особенно дурной славой. Проститутки, приходившие сюда, чаще всего были связаны с криминальным миром – ночь для их клиентов нередко заканчивалась ограблением и физическими увечьями.

⁵ Бланковая проститутка – женщина-одиночка, не прикрепленная ни к какому дому терпимости. Большей частью бланковых приводили для регистрации во врачебно-полицейский комитет насильно, в результате облав. В результате таких рейдов женщину ставили на учет как проститутку и выдавали специальный бланк, благодаря которому и появилось название.

– О, да. Для своей профессии она просто исключительная женщина. Мы все ее очень любим.

– И вы до сих пор живете у нее?

– Да, представьте себе, живу. И ничуть о том не жалею. В доме у Мари все устроено довольно роскошно. У каждой пансионерки есть отдельный вход в собственные апартаменты. За нашим здоровьем следят лучшие доктора, лучшие повара готовят нам обеды. К нашим услугам есть умелые модистки и швеи. Ткани нам привозят из Парижа и Лондона. Шляпки, туфельки, духи... Такое изобилие не знакомо даже многим состоятельным дамам. Кроме того, у каждой из нас есть свои богатые поклонники. Я уже трижды ездила за границу за счет одного важного господина. Словом, я необычайно счастлива.

– И за что же такие щедроты? – глупо спросила Татьяна.

– За сущий пустяк, моя дорогая. Вам всего-то и надобно, что уметь любить мужчин. И делать это хорошо.

– Во-он оно что... – Татьяна прищурила глаза. – Благодарствуем барышня, за ваш совет. Но нам такого счастья не надобно.

– Вы напрасно отказываетесь, Татьяна. Кстати, у каждой пансионерки бывает и свободное время, то время, когда она имеет право заниматься собственными делами. Есть у нас и такие, которые в свободные от мужчин часы, предпочитают ласкаться со своими подружками, – Виктория хитро подмигнула.

После этих слов Таня и Глаша обе покраснели. Таня откусила нитку после штопки и растеряно протянула гостье ее роскошное платье.

– Возьмите, я уже зашила.

– О, благодарю. Как это мило с вашей стороны. Вы знаете, я, наверное, пойду. Уже слишком поздно для чаепития.

Виктория довольно быстро облачилась в шуршащие шелка и застегнула невидимые крючки. Теперь она стояла перед нашими путешественницами с чуть отрешенным выражением лица. В ее высокой фигуре было столько грации и обаяния, что обе подруги невольно залюбовались своей гостьей.

– Я не смею давать вам советы, милые барышни. Однако вы обе показались мне достойными хорошей жизни. А ваша красота, – Виктория выразительно посмотрела на Глашу и провела пальцем по ее щеке и губам так, что последняя совсем неожиданно, в истоме, прикрыла фиалковые глаза, – дорогого стоит. Поверьте. А потому, я все-таки оставлю вам визитную карточку дома Мари. Ее фамилия Бонне.

Изящная рука Виктории нырнула в кружевной ридикюль и выудила оттуда кусочек плотного картона с темной витиеватой надписью. Глаша, не отрывая глаз, сосредоточенно смотрела на эту карточку. Где она могла ее видеть?

– Еще раз благодарю вас, мои дорогие, за гостеприимство, – уже прохладнее проговорила гостья. Вежливая улыбка тронула ее розовые губы.

Она открыла дверь и скрылась за порогом. Глафира Сергеевна растерянно смотрела на то место, где еще недавно стояла незнакомка.

– Таня, – спустя минуту воскликнула она. – Я вспомнила, где уже видела такую карточку.

Глаша полезла в собственную сумочку и выудила оттуда точно такую же визитку. На которой красивым лакированным почерком было выведено имя – Салон мадам Бонне (Marie Bonnet), Доходный дом Е. Н. Сухомлиной, 5-я Измайловская улица, вход со двора.

– Как я могла позабыть о ней?

– Откуда она у тебя?

– Володя дал. То есть Махнев Владимир Иванович.

– И зачем? Я правильно поняла, он хотел, чтобы ты туда ехала?

– Не знаю. Он сунул мне эту карточку в сумку и сказал... – Глаша напрягла память. – Он сказал, что это адрес Мари. На всякий случай.

– Мари? Это та, кудрявая поганка?

– Да, это она...

– Вот же бесовское совпадение!

– Как все странно...

– Ладно, спрячь куда обе карточки. Пушай пока лежат. Мы с тобой не мотовки какие-нибудь, чтобы деньги на ветер швырять. Копеечке цену хорошо знаем. А потому, зачем нам во всякие дома хитрые идти? Богатые платья задаром никто не даст – оплату за них потребуют. А сдюжим ли?

– Ой, Таня, права ты. У этой Виктории на словах все гладко, а только многое она недоговаривает, похоже.

– А чего там договаривать? Проститутка она есть проститутка. Даром, что разряженная. Нет, Глашенька, попробуем мы с тобой в швей, для начала, податься. А там, как бог даст.

* * *

Спиной к закрытой двери, с хитрым выражением на красивом лице, их диалог внимала недавняя гостья Виктория. Она еще раз ухмыльнулась, услышав рассуждения худенькой Татьяны. Медленно отошла от комнаты и развязанной походкой проследовала по узкому темному коридору. Рука толкнула одну из дверей. Виктория вошла в гостиничный номер и заперлась изнутри. А после она прошлась по шатким половицам и приблизилась к седому старому зеркалу, висевшему на стене. Глянула на свое отражение, поправила рыжеватые локоны, умильная гримаса исказила красивое лицо.

– Как иногда полезно, почувствовать себя в женском теле, – проговорила Виктория мужским баритоном. – Какой славной дамочкой я умею быть. А что? *Mundus universus exercet histrioniam*⁶

Виктория наклонилась и подняла пальцами подол.

– А ножки какие! Глаз не отвести. Эх, жаль такую красоту сбрасывать, однако, придется.

Тело Виктории дрогнуло, закружив вокруг себя пространство нехитрой комнаты, и на том самом месте, где еще недавно находилось женская фигура милой барышни, появился наш давний знакомец – демон по имени Виктёр.

Виктёр приосанился. Он был одет в английский клетчатый дорожный костюм, шляпу с мелкими полями, в руках золотым набалдашником поблескивала изящная трость. Демон решительно распахнул дверь и шагнул за порог унылой комнаты. Его каблуки простучали по деревянным ступеням – Виктёр спустился на первый этаж.

Все постояльцы в гостинице уже спали, только хозяйка убирала в обеденном зале со столов посуду.

«Кому это там не спиться?» – подумала она, услышав стук шагов на лестнице.

Ее взору предстал довольно высокий и дорого одетый господин. Среди ее постояльцев не было таких. От неожиданности хозяйка открыла рот.

– Вы кто такой будете, господин хороший?

– Я, моя дорогая, приходил в гости к одному из ваших жильцов.

– Что-то я вас не видала раньше, – рассеянно проговорила хозяйка.

Мужчина хитро улыбнулся, стремительно обошел женщину сзади и совершенно бесцеремонно хлопнул ее по пышному заду.

– Так и я вас, голубушка, тоже не видел, – он рассмеялся. – Адю, моя дорогая.

⁶ Весь мир занимается лицедейством (Крылатое латинское выражение).

И быстрым шагом он вышел вон из гостиницы. Сразу за дверью наш давний знакомец растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкий запах серы.

* * *

Через пару дней Глаша и Татьяна оказались на улицах Нижнего Новгорода.

– Сколько тут церквей-то, Глашенька! – умильно проговорила Татьяна, перекрестившись. – Красота-то какая...

Но, наряду с белокаменными церквями и резными домами в центре города, на окраинах всюду была грязь. К тому же приближался паводок – Волга стремительно выходила из берегов. Старожилы опасались очередного половодья.

Пока Глафира сидела на лавочке в центре города и тревожно посматривала на суетливых прохожих, Татьяна обежала несколько рабочих кварталов и даже нашла место для ночлега.

– Ну вот, завтра нас должны принять на работу, в швейный цех. Пошли в комнату, – Татьяна показала Глафире ключи.

Через четверть часа они оказались в длинном рабочем бараке, разделенном тонкими перегородками на маленькие комнатухи. Как только девушки вошли в барак, в нос ударили отвратительные запахи – кислых щей, гнилой картошки, сажи, пота и немых тел. В одной из комнат пиликала гармошка, раздавался грубый мужской смех, женские визги, и матерная брань. Глаша побледнела.

– Ну, чего ты нос морщишь? Переночуем пока здесь, а там как бог даст.

Глаша с брезгливым отвращением смотрела на закопченные стены их нового жилища.

– Таня, гляди, тут тараканы!

– Да, а где ж им быть-то еще? Где человек, там и эти твари пробавляются, – успокаивала ее Татьяна. – Обожди чуток. Зимой их выморозим.

– А до зимы? – Глаша делала страшные глаза.

– Я тут все побелю, салфеточки постелем, простыни чистые. Распаковывай пожитки.

– Нет, Таня, обожди. Не мило мне здесь. Гнусно все...

– Полюбовницей у Махнева было мило?

Глафира с гневом смотрела на Татьяну. Она с ужасом поняла, что совершила непоправимую ошибку, отправившись в город с Таней.

Ночь, последовавшая за сумбурным днем, окончательно привела ее к мысли о том, что они должны покинуть Нижний.

То плача, то слегка упрекая друг друга, подружки ближе к вечеру улеглись на ночлег.

– Завтра нас ждет у себя портниха с соседней улицы. Она готова нас взять на работу. Деньги, конечно, небольшие, зато кормежка бесплатная. Ну, чего ты молчишь?

– А что тут скажешь?

– Ну, раз неча, тогда спи, – зло отозвалась Татьяна. – Нам завтра вставать рано.

Но спать спокойно им не дали. Примерно в полночь в коридоре раздались громкие шаги, шум и мужские пьяные голоса. Дверь, закрытая на плотную щеколду, затряслась.

– Бабоньки, откройте, – раздалось за дверями. – Мы к вам в гости. У нас вино и закуска.

– Проваливайте, не надо нам вашего вина.

– А, это ты долговязая? Можешь и не пить. Мы не станем за то печалиться. Ты нам подружку свою мягонькую отдай. Мы потискать ее хотим. Не пойдет с нами по-хорошему, поколотим вас обеих.

– Я сейчас в участок пойду, – гневно отвечала Татьяна.

– Тю-юю, напугала, дылда. Не успеешь добежать. Открывай лучше по-хорошему. Не то в окно влезем.

Бледная Глафира тряслась от страха. А Таня, схватив полено, подошла к двери.

– Только попробуйте, – воинственно крикнула она. – Живыми не дадимся. Трех из вас я точно покалечу.

– Васька, ну их к лешему. Пошли лучше к нашим бабам, – предложил кто-то невидимому Ваське.

Но тот продолжал колотиться в плотную дверь. Татьяна выудила из чемодана портновские ножницы.

– У меня нож в руках! Всех вас порежу! – крикнула она.

– Вася, пошли от греха. Ты же видишь, они полоумные. Может, монашки... Ну их.

– Видал я их днем. Не монашки, не... Одна длинная, как мужик. А другая – пригожая. Я ее сразу приметил, – заплетающимся языком пояснял Васька, – только ночи ждал.

– Вот эта длинная-то тебя и отходит поленом по башке, – раздался дружный смех Васькиных собутыльников.

Какое-то время невидимый Васька продолжал колотить в дверь новой комнатки подруг. Пока Татьяна переругивалась с незванными гостями, Глафира, зажмурив глаза, читала про себя молитву. Чуть позже Ваське надоело биться возле девичьих дверей. Шумная компания скрылась в глубине барачного коридора. Они приходили еще раз, под утро, но были уже не столь настойчивыми – выпитое вино валило их с ног, делая желания слабыми, а поступки невнятными.

– Ну, погодите, бабоньки. Дайте только проспаться. Завтра вы обе моими станете, – пообещал им разбойник-Васька.

Глаша не спала всю ночь. А когда первые лучи рассвета забрезжили за пыльными окнами барачной комнаты, она решительно поднялась с кровати.

– Мы едем в Санкт-Петербург. В этом городе я не намерена оставаться ни минуты.

– Полюбуйтесь-ка на нее, калика переходящая выискалась! – злобно огрызнулась Татьяна. – Я могу найти другую квартиру, где мужиков нет, а женщины живут.

– Нет, благодарю. Мне не нравится этот город.

– Воля твоя. Пошло-поехало... По дорогам охота, значит, мотаться.

– Не охота. А только тут я не останусь. Пьяниц здесь много.

– А в столицах-то поди-ка меньше?

– Может и меньше.

– Ну, будь по-твоему. Ты же у нас барыня, тебе и приказывать.

Собрав свой нехитрый скарб, подруги покинули на рассвете сей неласковый приют, а заодно и сам город. Голодный до утех Васька так и остался ни с чем.

Дорогие читатели, мы не станем утруждать вас подробным описанием дороги двух наших героинь. Больше месяца они добирались до Санкт-Петербурга, ночуя на постоянных дворах, пугаясь и радуясь безотчетной надежде, которую связывали с прибытием в столицу. Глаша стремилась туда всей душой, ибо юность ее и учеба были связаны с гранитными берегами Невы. В Москве Глафира простудилась, и им пришлось задержаться там на несколько дней. Татьяна, раздобыв мед и листья малины, ухаживала за своей любимой барынькой. Но молодой организм быстро справился с простудой, и девушки продолжили свой путь.

Санкт-Петербург встретил их июньским теплом. Легкий ветерок с Невы трепал Глафире волосы. Всей грудью она вдыхала знакомый воздух. Татьяна любовалась огромными домами, широкими улицами, соборами, мраморными львами и тайком крестилась.

– Гляди Танечка, это и есть столица! – на осунувшимся лице лихорадочно блестели фиалковые глазищи. – Как тебе, нравится?

– Камней больно много, – супилась Татьяна. – Тут человеку пропасть, все равно, что чихнуть. Раз – и нет тебя. Потерялся, и не сыщут.

– Да, ладно тебе, – смеялась Глаша.

– О, гляди, какие ноздри у львов. Отчего таки страшные? Как есть, бесовский город.

На счастье, девушки нашли довольно быстро швейную мастерскую в Щербаковом переулке⁷, недалеко от набережной реки Фонтанки, куда их охотно взяли. Хозяйка мастерской, строгая дама, лет сорока, обговорила с ними условия работы, предложив неплохой заработок и даже похлопотала об их жилье. Она проводила подруг к своей приятельнице, сдающей комнаты.

Комнатка тоже оказалась в Щербаковом переулке, совсем близко с работой, сухая и чистая, с одной широкой кроватью, образами над ней, обеденным шкафом и комодом. Но главное, чему так обрадовалась хозяйственная Татьяна, это то, что в углу комнаты располагалась прямоугольная голландская печь с плитой для готовки, облицованная голубоватыми, веселыми изразцами.

– А печка не дымит? – деловито осведомилась рыжеволосая умница.

– Нет, только в прошлом году чистили дымоход, и ремонт в комнатах делали.

– Ну вот, тут-то можно и жить теперь, – обрадовалась наконец Татьяна. – Я посмотрела – соседи тут тихие. Кажись, трезвые.

– Ну, что вы, девушки. С этим у нас строго, – согласилась хозяйка. – У меня здесь больше работницы живут. Из мужчин только студенты, а мужиков я не селю сюда – с ними хлопот много. И семейных с детьми не селю. Сейчас я вам чайник принесу.

Спустя время, когда девушки напились чаю с кренделями, купленными в кондитерской, Татьяна развязала узел с деньгами и, сосредоточенно нахмурив брови, пересчитала оставшиеся средства.

– Гляди, какая я у тебя бережливая. Мы совсем мало истратили по дороге. Большая часть денег цела.

– Конечно, – усмехнулась Глаша. – Я с твоей экономией часто голодная засыпала.

– Ничего, Глашенька, были бы кости целые, а мясо нарастет. Мы теперь денежки копить станем. К зиме одежду кой-какую надо будет справить. Ботинки новые тебе, платьев, чулок теплых. Часть я и сама пошью. Тут, поди, тканей в халантерее можно купить.

– Таня, да тут в магазинах чего только нет. Видала, на нашей улице много таких лавок. Татары с Казани шелком торгуют, халатами. С Костромы много приезжих – магазины открыли.

– Ну, нам не до жиру... Платьев с обороками много шить не станем. Не по чину нам. Однако белья побольше тебе надобно иметь.

К вечеру этого же дня подружки намылись в общественной бане и разомлевшие пришли домой. Татьяна накануне накупила вкусной еды. Обе чистые и довольные они уплетали душистый окорок, сыр, колбасу и пшеничные булки.

– А ничего тут. Я и вправду стала привыкать к твоему Бургу. Можно и здесь жить.

Глаша в ответ рассмеялась.

– Иди ко мне, я приласкать тебя чуточку хочу. Сама вся истомилась без ласки, – поманила ее рыжеволосая дылда.

За долгое время их путешествия они лишь раз позволили себе близость, и теперь зов природы оказался сильнее иных обстоятельств. Сильная рука Татьяны увлекла Глафиру в мягкую и чистую постель. Глаша, зажмурив глаза, упала на подушки, а Татьяна, сев у нее в ногах, прошептала:

– Радвинь ноги... Шире! О, как я соскучилась, – рыжая голова нырнула к паху Глафиры.

Пальцы крепко впились в нежную кожу раздвинутых ляжек. Ловкий язык принялся ласкать распухшую и скользкую от возбуждения плоть своей ненаглядной барыньки. Глафира застонала от наслаждения:

– Таня, войди в меня пальцами, глубже.

⁷ В XIX и начале XX века в Щербаковом переулке жили татары-халатники, старьевщики, торговцы галантереей и казанским мылом, строители-сезонники, портные (держатели лавок). – (Примеч. автора)

Таню не надо было просить дважды. Ее ловкие пальцы орудовали в лоне Глафиры не хуже мужского орудия. Потребовалось лишь несколько минут на то, чтобы Глаша издала хриплый, полный безудержной страсти, стон.

– Как сладко ты кончаешь, – шептала Татьяна, лаская Глашины соски.

Потом они поменялись местами.

Их ласки длились всю ночь, и только к рассвету обе заснули – уставшие и счастливые. Впереди был воскресный день.

Утром они много гуляли. Каменный город, согретый летним солнцем, казался им таким величественным и прекрасным, что не хотелось возвращаться домой. Глаша была одета в милое летнее платье и шляпку, Татьяна в платье попроще, из темного ситца. Когда они гуляли по Невскому, то несколько мужчин по дороге бросали на Глафиру заинтересованные, полные восхищения взгляды.

– Обещай мне, что не влюбишься больше в мужчину, – ставила ей условия Татьяна, которая зорким и ревнивым взглядом отмечала всех, кто смотрел на ее барыньку с интересом.

– Господи, конечно, не влюблюсь, – отшучивалась Глафира. – Никто, кроме тебя, мне не нужен.

– Не верю, – снова хмурилась Татьяна. – Уведут тебя от меня.

– Не говори, Танюша, глупостей. Я что, коза на веревке?

– Соблазнят... Ты в сок вошла. Сама под мужика ляжешь, коли приласкает.

– Таня, опять ты за свое. Прекрати, а то мы поссоримся. Пойдем лучше в кондитерскую, купим конфет? А?

– Пошли, – неохотно отзывалась Татьяна.

Каждая непредвиденная трата давалась рыжеволосой экономке с большим трудом. Таня была очень бережлива.

Потихоньку подруги освоились в столице. Днем они работали в швейной мастерской. Причем, вопреки ожиданиям Глафиры, работа была несложная, и девушки быстро управлялись с дневной нормой, которую им давала хозяйка. Вечерами они были предоставлены сами себе: Татьяна шила Глафире платья, а Глаша читала. Татьяна долго дивилась Белым ночам, считая их настоящим чудом, но плохо спала. Глаша, наблюдая за ее удивлением, только улыбалась: «Это Петербург, Танюша. Привыкай».

Незаметно промелькнул июль и половина августа. Подруги все чаще благодарили благосклонность судьбы за обретенную свободу и спокойную жизнь. Они не нуждались теперь ни в чьей помощи и ни от кого не прятались. Глаша все чаще стала улыбаться, и лишь иногда на нее снисходила легкая грусть – воспоминания уводили ее в далекое и милое сердцу Махнево. Из ниоткуда всплывал образ того, кто был ей до сих пор милее всех на свете. «Как он? – думала она. – Неужто и не вспомнил обо мне ни разу?»

Глафира Сергеевна и не знала, что ее возлюбленному Владимиру Ивановичу оставалось жить на этой грешной земле лишь считанные дни.

* * *

Горелов Александр Петрович, чиновник по особым поручениям при губернском архиве, сидел в собственной столовой и пил утренний кофе со сливками и булками из кондитерской. Ему их подавала горничная Матрена. Это была грузная пожилая женщина, служившая еще у его родной матушки и перешедшая к Александру Петровичу почти по наследству. Она была подслеповата и нерасторопна. И только сегодня нечаянно расплескала горячий кофе на белоснежную скатерть.

«Надо бы нашей Матрене на покой, – раздраженно думал Александр Петрович. – Третьего дня тарелку из голландского сервиза разбила, вчера мою сорочку сожгла утюгом. Надо бы отправить ее в деревню – свой век со стариками доживать».

Супруга Александра Петровича, Татьяна Тарасовна, которая была старше его на десять лет, жила за границей и навещала мужа дважды в год, попутно наводя в доме собственные порядки. Всех хорошеньких женщин из прислуги она рассчитала и прогнала с глаз долой, оставив с Александром Петровичем рябую повариху и трех пожилых горничных.

– Я итак закрываю глаза на ваши частые адюльтеры вне нашего дома, – выговаривала она красавцу-мужу. – Мне доносят о вас, бог знает что. Ваши бесконечные интрижки с актрисками, певичками, ваши походы в салоны к гулящим женщинам. Так хоть в доме моем я не позволю вам заниматься развратом. И на постелях моих вы не будете спать со своими любовницами.

Александр Петрович тяжело вздохнул, вспомнив стареющее и неприятное лицо собственной супруги, на которой он был женат по расчету.

«А как бы хорошо иметь и дома миленькую горничную, – подумал он. – Только где бы такую сыскать? Чтобы чистенькая была, улыбочивая и покладистая. Иногда так лень под вечер идти в бордель. Спать где попало. Мне бы дома... пока Татьяна Тарасовна далеко. Пока придет, пока разберется... Нет, решительно надо поискать такую. Может, сводне какой дать задание?»

Не успел он подумать о предстоящем деле, как в глубине квартиры раздался звонок. Матрена пошла сама открывать дверь, так как дворецкого на месте не оказалось. Барин отослал его с утра в лавку за сигарами. Через минуту скрипнула дверь, и показалась Матренина голова в чепце:

– Барин, там какой-то господин незнакомый. Вас спрашивает. Вы примете его?

– Кто таков? – шепотом, глазами спросил Александр Петрович.

На что Матрена только пожала полными плечами и в недоумении выпучила глаза.

– Ладно, зови.

В комнату вошел незнакомый шатен с легкой рыжиной в бороде и шевелюре, одетый дорого, но строго, в изящную летнюю пару. Свою трость с золотым набалдашником и летнюю шляпу он оставил в прихожей огромной Гореловской квартиры.

– Александр Петрович, здравствуйте! – радостно воскликнул гость. – Гулял мимо, дай думаю, зайду. Погодка нынче прекрасная стоит, небо безоблачное, что согласитесь, в наших дождливых краях – такая редкость. Как встал с утра, так, не завтракая, и решил прогуляться. А уж на прогулке вспомнил о вашем приглашении и решил зайти-с.

– Простите, – чуть смущенно прервал радостный монолог гостя Горелов, – Напомните мне, с кем имею честь, так сказать?

– Ба, Александр Петрович, да неужто не помните?

– Нет-с, – еще сильнее покраснел хозяин и сосредоточенно задумался.

«Два дня тому назад я сильно налился у князя В. Неужто я там познакомился с этим господином, а потом забыл?»

– Мы у князя с вами познакомились?

– Ну, наконец-то вспомнили! – обрадовался гость и достал из кармана знакомую темно зеленую визитку Горелова. – Вы же сами мне ее дали и пригласили быть в воскресенье у вас. Вы, право, так настаивали...

– Да-с? – Горелов пожал плечами. – Ах, простите, великодушно. Я много пил мадеры в тот день, а потом еще какие-то вина, наливки.

– Да, князь всех нас славно угостил. Я тоже к утру с трудом обнаружил сам себя, – по-свойски хохотнул посетитель и подмигнул Горелову темным зрачком хитрого глаза.

– Ну, раз так, любезный, – расслабился Александр Петрович, – то если вам не трудно, напомните мне, как вас звать-величать?

– Меня-то? – казалось, что гость на секунду задумался. – Зовите меня Виктором.

– Помилуйте, что вот так-с? – смутился хозяин.

– Да-с.

– А отчество?

– Ну, зачем среди своих отчество? Мы тогда так славно с вами выпили на брудершафт и поклялись друг другу называться чуть ли не по имени.

– Вот князь, каналья, напоил меня чем-то совершенно зверским, что я ни черта не помню, – Горелов соскочил со стула. – Ну, хорошо, Ви... Виктор, вы будете пить кофе?

– Не откажусь.

– Матрена, принеси нашему гостю чашечку из голубого сервиза и сливок еще.

Матрена внесла на подносе изящную чашку и сливочник, полный до краев желтоватыми сливками. Когда она ставила чашку на столе, то руки ее дрожали. Серебряная ложка соскользнула со стола. Раздался звон, Матрена наклонилась, чтобы поднять ложку с пола. Но хозяин ловко опередил ее и раздраженно приказал:

– Принеси другую, кулема. Как ты стала нерасторопна. Живее.

Как только за Матреной закрылась дверь, Александр Петрович извиняющимся тоном произнес:

– Сейчас так трудно сыскать подходящую прислугу. И жалко ее, она еще меня нянчила. Однако время неумолимо, и никого из нас не щадит.

– Да, найти хорошую прислугу – проблема, – сочувственно покивал головой гость, отхлебывая кофе. – Важно же что, чтобы не воровала, была-с аккуратна, вежлива, мила, образована. И при этом трудолюбива.

– Да-с.

– И чтобы не прекословила ни в чем. Согласна была с хозяином во всем.

– Да-да, как вы мои мысли угадали...

– И потом, – посетитель сделал понимающие глаза, подмигнул темным глазом и перешел на шепот: – Как по мне, так я хотел бы иметь лишь хорошеньких горничных. Исключительных красавиц. Ну, скажите на милость: зачем мне в доме крокодилы всякие? Нешто я не заслужил в доме полный шарман?

– Вот-вот... Поверите, и я все утро об этом же думаю.

– А что тут думать? Разве вы не хозяин в собственном доме? Завтра же отправьте старую Матрену в деревню, а сами возьмите себе молоденькую и хорошенькую.

Горелов даже подскочил от неожиданности.

– Так-с, так-с... Вот только где же ее взять-то?

– А вот тут-то я вам, как раз, и окажусь полезным, дорогой вы мой.

Александр Петрович снова удивленно посмотрел на гостя.

– Прогуливаюсь я тут как-то набережной Фонтанки, свернул в Щербаков переулок – хотел себе портного хорошего сыскать – материя у меня давно лежит аглицкая, да пошить все времени не было. Дай, думаю, зайду. И вдруг вижу: из портновской мастерской выходит такая миленькая барышня, что я прямо оторопел. А она поспешила в татарский магазин, за нитками – видно, хозяйка ее туда послала. Верите, я за ней пошел – ноги сами повели. Сначала думал, что она какая-то знатная особа, и идет к себе домой. Оказалось, что нет.

– Нет?

– Нет... Как выяснилось позже, она обычная швея и живет со своей подругой. Без средств, от того и работать вынуждена.

– И что, хорошенькая?

– Так я о чем и толкую: не просто хорошенькая, она красавица писаная. Носик, глазки, шейка, коса русая. Талия такая, что гляди переломиться, меж тем, как и афедрон, прости гос-

поди, пышный на месте. И притом, образована, бывшая институтка. На фортепьяно играет, французский знает.

– Бог мой! – мечтательно проговорил Горелов. – И что? Что?

– А то, что вы ходите в Щербаков переулок, к ее хозяйке, мадам Салопиной, и похлопочите, чтобы она вас свела. Позовите ее к себе в дом. Да торопитесь, на нее столько господ уже глаз свой положили. Не ровен час, кто иной сманит, посулив большой заработок. Так-то и вы не скупитесь. Такой розанчик и, считай, без дела пропадает.

– Да-с, надо бы поторопиться. Вы говорите в Щербаковом? А номер дома?

– Кажется, 5. Не помню точно. Да вы легко увидите, там еще вывеска такая синяя: «Пошив дамского и мужского платья. Костюмы, дамское белье, корсеты». Что-то в этом роде.

– Ага, ага.

Гость допил кофе и вскочил с места.

– Не смею-с вас задерживать, дорогой Александр Петрович.

– Вы уже?

– Да-с, вспомнил, что мне надо быть дома к обеду. Еще увидимся, у князя, – гость поклонился и стремительно вышел.

«Я так и не вспомнил его, – задумался Горелов. – Кто такой? Убей не помню... И зачем же он приходил?»

Но наш герой не стал слишком долго раздумывать. Еще минуту он посидел за столом, а после крикнул в коридор:

– Матрена, вели принести мне светлый сюртук, шляпу, штиблеты.

Глава 2

Итак, мои дорогие, господин Горелов Александр Петрович был внешне довольно привлекательный мужчина. Его даже можно было назвать красавцем, ведь недаром супруга так ревновала его к каждой юбке. Он был высок, строен и широкоплеч. Благородные черты молодого лица обрамляли волнистые черные кудри с серебром легкой проседи. Прямой нос имел южную горбинку, но был тонок, с резко очерченными ноздрями. Глаза, тоже темные, пронзительные и немного влажные, свели с ума многих красавиц. В юности, имея пылкий темперамент, Александр, прокутил и потратил на дам почти все свое состояние. Отчего и вынужден был жениться на женщине намного старше себя.

К сорока годам Александр Петрович чуть остепенился. Да и потом брак на богатой вдове накладывал на него моральные ограничения, с которыми необходимо было мириться. Как мы упомянули выше, его супруга чаще проживала за границей, поправляя собственное здоровье. Но отчего-то знала почти о каждом шаге своего благоверного. Иногда Горелову казалось, что за ним приставлены фискалы, которые пишут его супруге ежемесячные отчеты. А может, так оно и было?

Но вернемся к намерению этого господина, завести себе хорошенькую горничную.

Совершенно очевидно, что не прислуга была нужна Горелову, а молодая любовница, дабы он мог пользоваться ее услугами, не выходя далеко за ворота собственного дома.

Довольно быстро он отыскал швейную мастерскую, адрес которой так великодушно сообщил ему недавний гость, который представился Виктором. Без титула и отчества. Что было чрезвычайно странно, однако, Горелов не посчитал нужным углубляться во все эти странности.

В мастерской он сделал вид, что хочет заказать себе костюм. Меж делом он заглянул в швейный зал и отыскал глазами ту, о которой так неожиданно поведал ему незнакомец. Глафира Сергеевна в это время утюжила какие-то кружева. Раскрасневшись и высунув от усердия язычок, она наклонилась над гладильной доской. Волнистая прядь русых волос упала на чистый лоб, большие груди почти коснулись полотна доски. О боги, как она была хороша. Этот странный Виктор не соврал. Он давно не встречал подобных красавиц в Петербурге. Александр Петрович с первой минуты понял, что влюбился. Он хотел было решительно сказать девушке о своем чувстве, но вовремя одумался. Он очень боялся ее испугнуть.

«Что это со мной? Надо быть осторожнее», – подумал он и отправился напрямик в кабинет хозяйки.

Там, заикаясь и путано, он объяснил суть своей просьбы. Сначала хозяйка решительно отказала ему и чуть не выставила его за дверь. Однако Александр Петрович достал из кошелька пару золотых рублей и умолял хозяйку их взять. Та чуть поломалась, но деньги таки взяла, пообещав ему посильную помощь.

– Я сделаю все, что от меня зависит, но обещать вам не могу-с.

– Умоляю вас, голубушка...

* * *

На следующий день хозяйка мастерской вызвала к себе в кабинет Татьяну и Глашу.

– Девушки, я довольна вашей работой. В особенности, работой Татьяны. Но обстоятельства складываются таким образом, что я не могу платить жалование вам обеим.

– Как так?

– А так. Я готова предоставить работу одной лишь Татьяне, а вас, Глафира Сергеевна, я вынуждена рассчитать. Я полагаю на ваше место принять более расторопную швею.

- Но, как же так? – голос Глафиры дрожал.
- Мы уйдем вместе, – решительно произнесла Татьяна.
- Какие вы обе горячие торопыги. Не дослушав, начинаете делать скоропалительные выводы.
- А что нам еще делать, коли не к месту мы?
- Очень даже к месту. Но, есть один нюанс. Глафира Сергеевна, вам не пристало иметь работу простой швеи.
- А где же мне еще работать? – по щекам Глаши катились слезы. – Не с голоду же умирать?
- Ну, что вы! Конечно же нет. Я просто хотела сказать, что с вашим происхождением и образованием вы можете иметь более достойную и выше оплачиваемую работу.
- Какую?
- Я хочу вас порекомендовать горничной в один состоятельный дом. И там у вас будут совсем не обременительные обязанности – скажем, пыль бархоткой смахнуть, куверт на столе разложить, на фортепьяно сыграть. А жалование там будет в десять раз больше, нежели вы имеете тут.
- В десять? – не поверила Татьяна.
- Именно, ровно в десять. Подумайте, вы сможете легко и быстро, примерно за пару лет скопить денег и купить где-нибудь за городом домик. А там уж и зажить счастливо.
- После этих слов у Глаши загорелись глаза. Но Таня отчего-то стояла хмурая.
- Хорошо, мы подумаем, – сообщила она хозяйке.
- Подумайте. Хозяева там добрые, хорошие. Муж с женой. Детей у них нет. Им нужна горничная с образованием. Завтра хозяин придет, чтобы побеседовать с Глафирой Сергеевной. И я прошу вас, девушки, хорошенько подумайте, прежде чем упускать такое счастье. На такие деньжищи найдутся и другие желающие. И потом квартирка-то их находится всего лишь за несколько кварталов от вашей, в Троицком переулке. В большом доме. Богато люди живут.

* * *

- Вечером Татьяна все также была хмурой.
- Ох, чует мое сердце, не к добру эта твоя работа.
- Таня, ну что же всюду видеть подлог? Так жить нельзя. Подумай сама, останусь если я и вовсе без работы, то, как пробавляться станем? Придется мне искать место в другой мастерской? Без тебя?
- Я с тобой пойду.
- А ежели там не нужны мы обе? Так и станем по городу скитаться? С комнаты придется съехать.
- Нет, комнату жалко. Стены тут крепкие, толстые, двери тоже. Сухая она и теплая, – Таня обвела глазами их небольшую комнатку.
- В ней подруги успели навести нехитрый уют, повесив на окна веселые занавески и украсив все, что можно, тряпочными вышитыми салфетками. У Глаши даже появилась этажерка с книгами и фикус в деревянной кадке.
- Да, комнату жалко. А потому я встречу завтра с хозяином, и после решим.

* * *

- Как только Татьяна увидела, пришедшего на встречу красавца Горелова, она отозвала Глашу в сторону.
- Этот-то тебя быстро в кровать уложит, – горячо зашептала она.

– Таня, у тебя одно на уме!

– Это не у меня на уме. Это я в его глазах блядских прочитала. Гляди, какой фронт. На Володечку твоего по манерам похож. Такой же, видно, мот. Лощеный весь.

– Ты совсем уже. У него супруга в доме.

– Делай, как знаешь! Обрюхатит если, я брошу тебя сразу. В монастырь уйду, а ты по рукам пойдешь, сопли на кулак наматывать.

– Таня, прекрати! Слушать тебя тошно.

Они еще долго переругивались и обменивались упреками в этот день, но сумма, озвученная в качестве жалования, была столь внушительной, что на рассвете Глафира пошла разыскивать дом, в котором проживал Горелов.

Пройдя пару кварталов, она увидела трехэтажное монументальное здание, серого камня. Весь второй этаж этого дома занимала огромная квартира Гореловых. Глаша вошла в просторный вестибюль парадного, поднялась по мраморным ступеням и оказалась возле высокой дубовой двери квартиры господ Гореловых. По обеим сторонам от двери, прямо в подъезде, стояли горшки с пальмами. Тут же горели газовые фонари. Глафира повернула ручку механического звонка. В глубине квартиры прозвучал курлыкающий звук.

Как ни странно, дверь открыл сам хозяин – Александр Петрович. Ни прислуги, ни швейцара не было видно. Глаша смутилась. Она не могла себе признаться в том, что господин Горелов не был ей неприятен. Еще при первой встрече он произвел на нее должное впечатление, и она отметила про себя его красоту и стать. Она знала, что опасения Татьяны не безосновательны. Знала, но настырно шла навстречу. Разум ее оправдывал ее саму перед собой, внушая ей то, что она пришла в этот дом исключительно за деньгами, но сердце всякий раз начинало биться чуть быстрее при виде мужских зорких глаз. И к тому же от него так вкусно пахло, и запах этот так походил на запах того, кто так жестоко пренебрег ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.